

ПАНОРАМА

ДОРОЖЕ ЖИЗНИ

*...Взлетать
небоясь,
простить
невозможное,
найти
утраченное...*

Кэй Мортисон

Кей Мортинсен

Дороже жизни

Мортинсен К.

Дороже жизни / К. Мортинсен —

Пережив предательство любимого человека, пройдя тюрьму и унижения, поборов страшную болезнь, красавица Сандра хочет только одного: найти и вернуть свою маленькую дочь. Ей предстоит нелегкая борьба, ведь противник слишком хорошо ее знает. Однако Сандра не сдастся, ибо наградой за победу в этой битве будет ее ребенок – и любовь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кей Мортинсен

Дороже жизни

Пролог

Вечное море под вечным небом. Кипарисы как свечи по всем ушедшим, как факелы во имя всех живущих. Зной. Камни. Речка, бегущая между камней, так холодна, что этого просто не может быть. Солнце. Очень много солнца. Старинной кладки, полуразрушенный каменный мостик через речку.

Вода под мостом. Бежит, наспех умывая берега, к морю. Вечному морю под вечным небом. Вода под мостом торопится, журчит, всхлипывает, умоляет, не успевает... Мост терпелив. Ему незачем спешить Некуда.

Небо. Жара. Камни. Камни. Холод. Низкий потолок над головой.

Молодая женщина редкой красоты сидит, уставившись невидящими глазами в пространство, окаменев от ужаса и бессилия. Она ждет: сейчас придет адвокат и все объяснит. Должен все объяснить.

Одна мысль не покидает ее, бьется в обезумевшем мозгу, раскалывает голову.

Где мой ребенок?

Тишину нарушил тихий отчаянный стон. Женщина бессильно склонилась, погружаясь все глубже в темную пучину безнадежности и тоски.

Прошла неделя с того момента, как она, стоя в зале суда, оцепенев от ужаса, выслушала обвинительный приговор. Потом, уже в тюрьме, получила записку от своего шурина: «Я забрал твою дочь».

С тех пор мир вокруг умер.

Иногда она что-то ела. Что именно – она не знала, и это не имело никакого значения. Иногда спала. Во сне покой не приходил – ее мучили кошмары, от которых она просыпалась с криком и в холодном поту.

Сегодня утром, готовясь к часу свиданий, она впервые за долгое время посмотрелась в зеркало и обратила внимание на то, как сильно изменилась внешне. Чистый лоб прорезали морщины, между бровями появилась вертикальная складка, большие глаза запали и потускнели от слез, искусанные губы запеклись, щеки ввалились...

Причесываясь, она заметила, как истончились и потускнели ее пышные светлые волосы. Она поморщилась, небрежно собрала их в хвост обычной канцелярской резинкой, не обращая внимания на выбившиеся пряди.

Она ужасно выглядит. И что с того? Какая разница, если ей теперь некого любить. Любимый давно ее предал. А теперь у нее отобрали ребенка, девочку шести месяцев от роду.

Ее дочь. Смысл ее существования. Чудо, явившееся на свет в результате абсолютно чудовищного брака. Ее румяные щечки и щебет способны были развеять самую черную тоску и заставить забыть любые неприятности...

Женщина сидела, тупо уставившись в одну точку. Мысли ранили, причиняли адскую боль. Что может случиться с маленькой девочкой, которую так резко оторвали от матери? Станет ли она есть? Не испугается ли чужих людей?

Из груди женщины снова вырвался стон. Она подняла руку с зажатым в ней носовым платком, и это простое движение вернуло ее в мир живых. Вокруг стоял неясный гул и гомон, обычный для этого времени и места. Для зала свиданий Женской тюрьмы Самбавилля.

Она вяло обвела зал глазами. Увидела того, кто пришел на свидание к ней. Окаменела.

Это был не адвокат, нет... Высокий, черноволосый и широкоплечий, типичный южанин. Отличный костюм сразу бросался в глаза среди моря футболок и тренировочных штанов, в которые были одеты большей частью как посетители, так и заключенные.

Человек, похитивший ее ребенка.

Боль вцепилась в сердце с новой силой, но в горле уже клокотал протестующий крик. Он пришел издеваться над ней. Читать мораль, показывать ей всю глубину ее падения и объяснять свои права на ее дочь.

Права... А ее право на справедливость? Право на материнство? Как случилось, что она одним махом потеряла все свои права?

Готовая к борьбе, женщина метнулась вперед, глаза ее сверкнули гневом. Она добьется его ареста. Он совершил большую глупость, придя сюда, он... Словно ушат холодной воды вылили прямо на голову. Нет, он далеко не глуп. Если он пришел, значит, случилось нечто важное. Что же?

Больное воображение услужливо подсказывало ответы. Ее девочка погибла. Простудилась и умерла. Выпала из кровати. Подцепила страшный вирус...

Женщина метнулась вперед, к разделявшей их решетке. Ее горящий взор встретился с неприязненным взглядом мужчины, и тот невольно вздрогнул, точно обжегся. Ее голос прозвучал истерически.

– Она мертва?!

Он покачал головой и вымолвил одно лишь слово:

– Нет.

Боль отпускала, не сразу, потихоньку. Охранник грубо рывкнул на нее, приказывая сесть на табурет, но колени и так уже подогнулись, и, если бы он не подsunул ей стул, она сползла бы прямо на пол.

Ее дочь жива. Спасибо тебе, Господи, спасибо. Руки и ноги у нее тряслись словно в лихорадке, зубы стучали. Спокойно, спокойно. Она должна контролировать себя. Никогда в жизни она этого делать не умела, из-за чего и попадала в неприятности, но теперь должна учиться. Ради дочери.

Легко сказать! Все самое дурное в ее душе оживилось при виде этого мужчины. Она мечтала опять бросить ему в лицо все обвинения, которые уже бросала тогда, в те страшные дни. А потом было бы неплохо засадить красавца в тюрьму. Хотя нет, пока нельзя. Жизнь ее дочери в руках этого человека. К тому же только он знает, где девочка находится сейчас.

На лице мужчины явно читалось отвращение к тому, что его окружало. Еще бы, эта тюрьма мрачнее любого средневекового каземата, а звук захлопывающихся дверей камер наверняка самый зловещий на земле.

Она вынуждена слушать этот звук каждый день. И будет слышать в течение следующих пяти лет. А она невиновна!

Несправедливо обвиненная, она проведет здесь пять долгих лет жизни ее дочери. Первые слова. Первые шаги. Первые друзья. Всего этого она не увидит. Улыбки, шутки, проказы, маленькие ручки, обвившиеся вокруг шеи...

Это ее право – быть матерью. Ярость заставила ее вновь подняться на ноги.

– Где мой ребенок? Что ты с ней сделал?

– Сядь.

Он сделал короткий жест, и тотчас за ее спиной выросли охранники. Ну разумеется! Как всегда, властен и хладнокровен.

– Отвечай мне, будь ты проклят!

Спокойный и невозмутимый, мужчина не спеша уселся перед ней. Даже здесь, в тюрьме, он ухитрился сразу заполнить собой пространство. Его иссиня-черные волосы и темные пронзительные глаза, его необычная, жгучая внешность, его властные манеры притягивали и гип-

нотизировали людей. Независимо от пола и возраста, никто не мог забыть этого человека, увидев однажды.

Она тоже не могла забыть. Особенно – жаркие ночи их любви. Даже сейчас она чувствовала мощнейший сексуальный импульс, исходивший от него, от его мужественного и красивого лица. Она помнила на вкус эти чувственные и жестокие губы. Она любила их. До того момента, когда из этих губ на нее излились ложь и предательство.

Под его пронизывающим взглядом она неожиданно и неуместно ощутила желание. Как и прежде, в те времена, когда они были вместе, она сейчас ощутила исходящие от него импульсы, сгущавшие атмосферу в зале и заставлявшие ее кожу гореть огнем.

– Сядь. Или ты вернешься в свою камеру, а я отправлюсь в аэропорт.

Она послушалась, хотя ярость все еще туманила глаза, а упрямство заставляло гордо вскидывать голову. Она не будет его злить. Она будет очень умной и расчетливой, тихой и покладистой. Вежливой.

Как, черт побери, как это сделать, если злость просто распирает ее, туманит голову, заставляет до боли сжимать кулаки... И все же она постарается. Ради дочери. Она должна ее увидеть.

Неожиданно слезы навернулись ей на глаза. Она торопливо вытерла их и взглянула на мужчину отчаянным и безнадежным взглядом, отразившим всю ее внутреннюю агонию.

– Я больше не вынесу. Если у тебя есть хоть капля жалости, скажи, где мой ребенок.

– В безопасности.

– Слава Богу!

Она безуспешно попыталась проглотить комок в горле, чтобы иметь возможность хотя бы шептать. Заметив это, он подвинул ей стакан с водой. Их руки на мгновение соприкоснулись, и она поразилась разнице между ними. Его рука была сильной и полной жизни, ее же напоминала сухую лапку привидения, кожа да кости. Живой мертвец, в отчаянии подумала она.

Ей даже не удалось поднять стакан, так тряслись руки. Спокойно. Ради дочери.

– Как она?

Ее голос предательски задрожал, и лицо мужчины мгновенно закаменело. Она испугалась, что он сейчас взорвется и не захочет больше ничего говорить.

– Пожалуйста... я должна это знать... не сердись.

– Девочка здорова и счастлива. Мужчина говорил негромко, так что ей приходилось изо всех сил вслушиваться в его слова. Такое впечатление, что он каждую секунду готов к защите. Как ей выиграть? Она прикусила губу.

– Она рано просыпается? Много плачет?

– Нет.

– Не лги. Она не может не плакать.

– Раз я говорю нет, значит, нет. Она плачет, разумеется, когда голодна, или когда пеленки мокрые, или она хочет спать, но быстро успокаивается. Я не лжец. Я вообще из честных людей.

Последние слова он произнес с явной издевкой, и она не сочла нужным ее проглотить.

– Я тоже из честных. Я не должна сидеть за решеткой, потому что обвинили меня ложно.

– Подумайте, какая несправедливость! Он смотрел на нее враждебно и недоверчиво. Женщина поняла, что ей не удастся его переубедить. Он уверен, что она преступница, и точка.

– Значит, девочка в порядке? Она вовремя кушает?

– Сколько раз я должен повторять одно и то же? Она в полном и наилучшем порядке. Сама подумай, разве я допущу, чтобы ей причинили вред?

Верно, это надо признать. Люди с Островов вообще любят детей и умеют с ними обращаться, так что малышка в хороших руках. Неожиданная мысль впиалась в сердце подобно стилету. Возможно, девочке вообще будет лучше без матери? Малышка без нее не пропадет, а вот сможет ли выжить без малышки она... Она похолодела от этой мысли.

– А ее мишка? Да, и еще ее желтое одеяльце, она его очень любит...

– Я все привез из твоего дома. Все, что принадлежало девочке.

Женщина тихо прошептала:

– Ты все знал заранее. Готовился к тому, что меня признают виновной...

– Разумеется, готовился. Не мог же я допустить, чтобы ребенка моего брата воспитали чужие люди! Ты-то об этом не подумала!

– Но женщина, с которой я ее оставила, – моя соседка, и девочка ее знала. Это же только на время, я была уверена, что меня выпустят, как только убедятся, что я невиновна...

– А что ты планировала на другой, не столь благоприятный случай?

– Тогда соседка привезла бы ее сюда, здесь есть блок для матерей с детьми.

Он так и не ответил на ее вопрос. Где сейчас девочка? А вдруг она осталась в его машине? Ее могут похитить, могут угнать машину... Женщина с трудом боролась с паникой.

– С кем ты оставил мою дочь? Кто смотрит за ней сейчас?

– Моя жена.

Ну разумеется. Как она сразу не догадалась. Странно другое – в его темных глазах промелькнуло нечто, похожее на боль, и губы сами собой скривились в горькой гримасе.

А он несчастлив в браке! – внезапно поняла она. С ней он был счастлив. Так же, как и она с ним. Воспоминания об их любви взбудоражили ее. Она очень его любила. Они тогда еще были студентами, он стал ее первой любовью и... всем на свете. Ее миром. Но однажды она случайно увидела его в ресторане под ручку со сногшибательной блондинкой. Ее мир рухнул в одно мгновение.

Прекрасная пара, шикарная помолвка, сказал тогда официант. Он принес ей меню и, заметив ее «заинтересованность», с готовностью сообщил все, что знал. В частности и то, что эта помолвка двух отпрысков известных греческих семейств была намечена давным-давно. Слезы застилали ей глаза.

Он готовился к свадьбе, хотя продолжал встречаться с ней, заниматься с ней любовью... Она изо всех сил выкрикнула тогда его имя, и он побледнел как смерть, увидев ее. Все на них смотрели, а он, смутившись, растерявшись, склонился к парню, помоложе себя, но очень на него похожему и что-то ему сказал. Парень подошел и представился. Это был его младший брат. Он проводил ее, тогда еще очень красивую, юную, золотоволосую. По дороге домой он мягко объяснил ей, сочувственно поглядывая на ее окаменевшее лицо – Они оба – наследники своих семей. Так у нас, на Острове, принято. Наши семьи рождаются из века в век. Не принимай это близко к сердцу. Так уж мы живем. Когда нам нужен секс, мы находим себе хорошенькую и сговорчивую подружку, а когда приходит время жениться, подбираем подходящую девственницу из благородной семьи.

Эти слова были хуже пощечины. Ее просто использовали, как последнюю шлюху. Подарки, рестораны, а взамен – ее душа и тело. Ее жизнь.

Она была ошеломлена и разбита, а младший брат ее любимого был внимателен и чуток. Она поддалась его обаянию, а после вышла за него замуж, даже не подозревая, как сильно ему хотелось досадить собственному братцу.

Он действительно полагал, что брат станет ревновать. Но с чего бы это? Его невеста обладала всем: богатством, знатностью и красотой.

Неожиданная тревога закралась в сердце женщины. Теперь эта красавица присматривает за ее дочерью. Что эта длинноногая кукла может понимать в уходе за детьми?

– Твоя жена не слишком похожа на Мери Поппинс.

– У нее вообще-то тоже есть дочь.

Она была ошеломлена. Дочь! Его дочь...

– Что ж, поздравляю вас обоих. Значит, моя дочь вам ни к чему.

– Совершенно верно.

– Тогда зачем ты ее забрал?!

– У меня не было выбора. Ей нужен дом. Ей нужны родные люди.

– Я ей нужна, я! Я ее мать!

– Уже нет.

– Берегись!

– Не уверен, что есть, кого.

– Я подам апелляцию и выйду...

– Полагаю, этого не случится. Обстоятельства дела слишком серьезны. Ты должна отдавать себе в этом отчет.

– Я справлюсь с этим, если мой ребенок будет со мной...

– Это не обсуждается.

В ярости она нечаянно толкнула стол и опрокинула стакан с водой, залив свое платье. Мужчина предложил ей носовой платок, но она даже не обратила на это внимания.

– Ты же отец! Что бы ты чувствовал, если бы у тебя отобрали твоего ребенка?

На его лице неожиданно появилась циничная усмешка. У него нет сердца, подумала она в отчаянии. Господи, этот единственный в мире человек, не любящий детей, забирает у нее дочь.

– Так часто бывает, – холодно ответил он. – Особенно с мужчинами. Люди разводятся, дети остаются с одним из родителей... Как правило, с матерью.

– Но я ее единственный родитель. Ты не имеешь права отбирать ее у меня. Я могу потребовать твоего ареста.

– Не думаю, что это мудрое решение.

– Почему же?

– Потому что это не вернет тебе девочку.

– Что ж, возможно. Зато это подарит мне массу радости, а также полностью разрушит твою репутацию.

Его глаза были холодны как лед, когда он взглянул на нее.

– Все мечтаешь свести со мной счеты?

Да наплевать ей на него! Слишком жалким будет это сведение счетов, а вот дочь она может потерять навсегда. Женщина подняла голову. Подбородок у нее слегка дрожал, но голос был тверд.

– Я сделаю все, чтобы вернуть моего ребенка.

– Лучше побереги душевные силы, не трать их зря. В ближайшие пять лет они тебе очень пригодятся.

На ее бледных щеках расцвели два алых пятна лихорадочного румянца.

– У тебя нет сердца? Нет души? Это моя дочь, и она должна быть со мной.

– Формально она твоя дочь, но на самом деле ты не можешь быть ее матерью. Ты – преступница.

– Это нечестно...

– Это кто же тут говорит о честности?! Сидит в тюрьме и делает вид, что невинна, как Мадонна. Ты обманывала мою семью, моих друзей, ты разорила их, ты мошенница!

Его кулаки сжались, и он взглянул на них с некоторым удивлением, словно удивляясь собственной страстности. Она прошептала, почти обессилев от невозможности доказать очевидное:

– Но это не я... Почему ты не веришь? Уверяю тебя, я этого не делала...

– Ты мне отвратительна! Ты хоть задумывалась о том, что ты сделала? Наш банк был незыблем, как скала. Люди верили нам. Доверяли. Неудивительно, что мой брат запил. Его жена разрушила семейный бизнес, честь семьи и жизни невинных людей. Он потерял работу и свою честь...

– Честь?!

– Что, не знаешь такого слова?

На мгновение она забыла о покойном муже и о своем бедственном положении, ощутив мучительную и непреходящую боль от той, первой в ее жизни трагедии, повлекшей за собой все остальные:

– Ты говоришь о чести, ты, забывший предупредить меня о свадьбе с другой женщиной? Точно в цель! Он побледнел и отшатнулся, как от удара.

– Это был вопрос семейной чести...

– О, я знаю, твой брат мне все объяснил. Жена – для поддержки семейной чести. А меня, мою любовь и доверие ты использовал исключительно для секса. И после этого еще говоришь о чести.

У мужчины побледнели губы.

– Не пытайся отвлечь меня. Мой брат был потрясен твоим поступком. Он потерял голову, он даже не мог сопротивляться какому-то ублюдку, шантажировавшему его, и умер в сточной канаве.

Потрясенная истинной яростью, горевшей в его глазах, она слабо вскрикивала, пытаясь договорить до конца:

– Это ложь... я... я...

–..виновна по всем пунктам, ты хотела сказать. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что я не могу испытывать к тебе даже тени симпатии или сочувствия. Моя семья значит для меня все, а ты погубила моего единственного брата!

– Нет!

– Лжешь! Я знаю, ты потребовала развода. И брат не вынес этого!

Она закрыла глаза. Он ничего не знает о том, как тяжело далось ей тогда подобное решение. Не знает, что сделал с ней его любимый брат...

– Да, но...

– Не стоит искать оправданий. Мой брат поплатился за чужую вину. Ты всего лишь хотела отомстить мне за мой брак – ты это сделала. Мои поздравления! Тебе вполне удалось превратить мою жизнь и жизнь моей семьи в ад.

Она со стоном спрятала пылающее лицо в ладонях. Все ее надежды рушились. Ей не удастся ни в чем убедить его. Горячая южная кровь и преданность своей семье, вот в чем дело. В его глазах она предательница; Он хочет ее уничтожить. Забрать у нее дочь – разве не лучший способ сделать это?

– Ты должен выслушать меня. Ты не знаешь правды. Я... я не сделала ничего, за что мне могло бы быть стыдно. Я действительно невиновна...

– Конечно. И все твои здешние соседки тоже.

– Нет, я...

– Ты же все прекрасно понимаешь. Ты была коммерческим директором...

– В том-то и дело, я всего лишь называлась так...

– Достаточно, я уже слышал, как ты оправдываешься!

– Ты не оставляешь мне шанса...

– А ты дала шанс моему брату? А тем людям, которые живут только на проценты со своих сбережений? Моей семье понадобятся годы, чтобы расплатиться с ними, и все это благодаря тебе.

Бесполезно. Он даже не слушает ее. Когда они успели стать такими заклятыми врагами? Вопрос умер, не родившись, захлебнувшись в ее рыдании. Наткнувшись на его жесткий взгляд, она превратилась в воду, растеклась по столу, вцепилась в его край, чтобы не свалиться дальше, на грязный пол. Неожиданно его лицо оказалось совсем близко, и она застыла, увидев его глаза.

– Когда-то... когда-то мы были любовниками. Моя страсть зажигала тебя, мои руки ласкали твое тело, и наши тела сливались воедино...

– Пощади...

– Сейчас мне противно вспоминать об этом. Я никогда не подошел бы к тебе и на милую, если бы знал, как низко ты можешь пасть! Да еще обвиняешь в мошенничестве моего брата!

– Но он действительно виноват. – Ее голос звучал безжизненно и безнадежно.

– Какая жалость, что суд не согласен с тобой, – издевательски заметил он.

Мертвая тишина повисла в камере. Даже предательство мужа перестало волновать ее. Ее все перестало волновать. Нет. Не все. Ее дочь. Следующие несколько секунд могут решить всю дальнейшую жизнь ее дочери. Женщина собрала последние силы.

– Ненавидь меня. Презирай. Проклинай. Думай все, что угодно. Забудь о том, что я вообще существую, если это принесет тебе облегчение. Все, что угодно. Только отдай мне моего ребенка.

– Нет и миллион раз нет. Я не допущу, чтобы дочь моего младшего брата выросла в тюрьме под присмотром какой-нибудь грязной бабы. Теперь она не твоя. Ее даже нет в этой стране.

Он поднялся, чтобы уйти. Женщина сидела без единого движения, оглушенная, ничего не соображающая. Ее дочь на Острове. Она сама не замечала, как трясущиеся губы шепчут это название. На Острове. И нет больше надежды. Она медленно подняла голову. Не сойти с ума, только не сойти с ума.

– Ты... ты – чудовище.

– Неужели? А ты? Что за мать ты? Ты хоть раз подумала о дочери, устраивая свои гнусные делишки? Задумалась, что будет с ней, если твое мошенничество выйдет наружу? Или жажда мести и наживы была так сильна, что тебе было наплевать на всех, кто когда-либо был с тобой рядом?

– Я люблю ее.

– А я о ней забочусь. Она останется со мной. Об этом я и пришел тебе сообщить. Она в полном порядке, о ней хорошо заботятся и будут делать это впредь. Она вырастет умной, хорошо воспитанной и честной девочкой.

В его словах не было и намека на тепло и любовь. Он говорит о ее дочери. О ее малышке. Женщина криво улыбнулась серыми губами.

– Это все, что ты ей можешь дать?

– Это больше, чем дала бы ей ты. Другая женщина вырастит ее дитя. Другая будет читать ей сказки на ночь.

– А любовь?

Он обернулся от самой двери. Все тело напряглось, теперь он смотрел на нее во все глаза. Да, несомненно, он несчастлив и страдает от этого. Во взгляде женщины появились понимание и сочувствие. Жалость.

Тишина сгустилась, стала невозможной, тягучей и душной. Они не в силах нарушить ее, они вспоминают те минуты, когда они были вместе, когда счастье заполняло их жизнь, и не было им дела до всего остального мира...

– Он с трудом произнес слова, взорвавшие тишину.

– Любовь – это всего лишь дурацкая иллюзия!

Глава 1

Уютно свернувшись калачиком в надежном кольце мужских рук, Анджелина, девочка двух с половиной лет от роду, крепко спала. Филипп, с нежностью глядя на нее, размышлял о том, как со временем она унаследует этот дом и эту землю. Осталось только решить все вопросы с бывшей женой и ее дочерью.

Он прогнал от себя неприятные мысли и с нежностью подумал, как уже очень скоро сможет рассказать Джолли об истории их рода, о древней земле, на которой она росла, о пиратах и разбойниках разных стран, которые так и не смогли завоевать и подчинить себе Остров.

Они пройдут по берегу, с которого корабли Фестанакисов отправлялись в битву, и вернутся на эту террасу, увитую плющом и виноградом. Здесь он скажет ей, что теперь эта древняя земля принадлежит ей. Этот берег, эти сады и поля, эти холмы – все это теперь ее.

Девочка что-то невнятно пробормотала во сне, Филипп с нежностью отвел легкие кудряшки с влажного лобика. Неожиданно его больно укололо воспоминание о других золотистых локонах. Сандра.

Ее нежный образ был безжалостно разрушен той страшной встречей в тюрьме два года назад. Филипп поежился от воспоминаний. Непрошенная жалость шевельнулась в глубине сердца, но он отогнал ее. Благополучие Джолли прежде всего. Он обещал это ее отцу и своему брату. Джолли прошептала во сне:

– Мама!

Филипп вздрогнул, как от удара.

– Все в порядке, я здесь, моя сладкая. Он знал, что она не проснется и проспит еще минут двадцать. В свои два с половиной года она не могла, разумеется, помнить мать, с которой рассталась в младенчестве. Или могла?

Филипп бережно отнес девочку на широкую софу и обложил со всех сторон подушками, чтобы она не скатилась на пол. В доме было тихо. Лорена, с которой он и после развода делил этот дом, настаивала на обязательном послеобеденном сне для всей семьи, и сегодня он был даже рад этому.

Скоро Джолли начнет задавать вопросы. А Филиппу предстоит найти правильные ответы.

Воровато оглянувшись на спящую девочку, он достал из запертого в обычные дни ящика стола видеокассету. Сел перед телевизором так, чтобы загородить экран, и приглушил звук.

Надо же, он уже стал забывать, какой красавицей была Сандра. Тогда ей было всего двадцать лет, и каждая клеточка ее тела излучала радость жизни. А еще – сексуальность. Он с трепетом вспомнил, как страстно они любили друг друга, как вдруг...

– Мама!

Он похолодел и медленно обернулся. Джолли сидела на софе, еще не проснувшись, но вполне сознательно глядя на экран. Он торопливо выключил телевизор, но малышка быстро сползла с софы, залезла к нему на колени и сама нажала нужную кнопку.

– Мама!

Она даже не понимает, что она сейчас говорит.

Всего однажды Джолли назвала мамой Лорену, но они поправили ее и попытались все объяснить. Джолли насупилась и продолжала повторять это слово до тех пор, пока Лорена не взорвалась. Сам Филипп тогда тщательно прятал усмешку, видя, как в малышке просыпается фамильное упрямство Фестанакисов.

А еще она чертовски обаятельная девчонка. Вот и теперь она обвила его шею своими маленькими ручками и просительно заглядывала ему в глаза:

– Джолли хочет смотреть. Что ж, если это ошибка, то он ее уже совершил. Филипп кивнул и включил пленку.

Джолли смотрела внимательно, особенно же ее позабавил момент, когда Сандра, как всегда, увлеклась танцевальными пируэтами и, разрезвившись, свалилась в небольшой утиный пруд. Наконец пленка кончилась, однако память услужливо подсказывала, что было в тот день дальше. Он тогда выключил камеру, вытащил хохочущую Сандру и целовал ее до тех пор, пока оба не начали задыхаться.

Сейчас, семь лет спустя, Филипп словно наяву ощущал воду того пруда на пальцах и вкус тех поцелуев.

Он позвал Джолли купаться, потому что боялся ее вопросов и не готов был отвечать на них. Как ей сказать о матери? Рассказать, что она сидит в тюрьме, или придумать красивую неправду? Кто эта женщина на видео?

Рано или поздно Джолли захочет увидеть свою мать, даже если он всеми силами будет этому препятствовать.

Сандра освободится не раньше, чем года через два, так что время еще есть.

Филипп любил маленькую девочку больше своей жизни. Однажды она ворвалась в его застывшее сердце, растопила лед и осталась там навсегда. Теперь она значила для него все, и жизнь без нее смысла не имела.

Сандра не получит ее назад. Пока он жив, этого не случится.

– Миссис Фестанакис, каковы ваши планы на будущее?

Голос офицера иммиграционной службы ласково мурлыкал, но Сандра все равно почувствовала, как желудок ухнул куда-то вниз, а сердце попыталось остановиться.

За прошедшие два года она научилась контролировать себя, а сегодня выдержка была ей необходима. Она с усилием улыбнулась в ответ:

– Хочу загореть как следует!

– О, разумеется. Где планируете остановиться?

Он пододвинул к себе лист со списком имен. Кто там, интересно? Наркодилеры, террористы, известные педофилы? А вдруг там ее фамилия?

– Так в каком отеле вы остановитесь?

– Еще не знаю. Поищу что-нибудь дешевое. Друзья говорили, здесь можно недорого снять комнату.

Молодой человек не дал сбить себя с толку.

– У вас греческая фамилия. Спокойно, Сандра, спокойно!

– Мой муж был греком... Он умер более двух лет назад в Англии.

Взгляд, которым наградил ее офицер, живо напомнил ей тюремных надзирателей. Тем тоже приходилось выслушивать массу не правдоподобных историй, поэтому подозрительность была у них в крови.

– У него здесь были родственники?

– Мой муж жил и работал в Англии. Его семья – где бы она ни жила – была против нашего брака. Они даже на свадьбу не приехали. Так что, все в порядке? Единственное, что мне нужно, это отдых на море. Я перенесла операцию, и мне необходим покой.

Офицер с большим интересом изучил все ее лекарства, которых было немало. В основном гомеопатия и успокоительное. Операция действительно была тяжелой. Собственно, из-за болезни ее и освободили досрочно. Адвокат тоже приложил к этому руку. Милый Джеймс! Благослови его Бог. Кстати, он наверняка ее уже ждет и гадает, куда она запропастилась.

– Вас встречают?

Инквизитор из парня получился бы хоть куда.

– Я тут впервые.

– Но вы посмотрели на часы.

– Да. Мне необходимо соблюдать режим и питаться по часам, чтобы принимать лекарство. Два часа разницы, да еще ваши расспросы – я могу пропустить время.

– Да, действительно.

Он мог бы и святого из себя вывести. Сандра неожиданно почувствовала слабость в ногах и стиснула горячий лоб рукой.

– Мне нужно сесть. Честно говоря, я не очень понимаю, что происходит. Полагаю, я не единственный посетитель Острова. Вещей у меня немного, вы сами видите, денег тоже, так что надолго я не задержусь. Ни наркотиков, ни оружия, ничего запрещенного у меня нет. Я просто обычная женщина, приехавшая отдохнуть у моря.

– Вы не могли бы подождать здесь? Как будто у нее есть выбор! Сандра ждала час, потом другой. Спать хотелось безумно.

– Миссис Фестанакис? Вы можете идти. Желаю приятного отдыха.

Она была свободна. Наконец-то она здесь, на Острове. В это трудно поверить, но она уже недалеко от Джолли. Скоро она сможет обнять ее, прижать к сердцу, услышать, как девочка назовет ее мамой. Скоро. Совсем скоро. Сандра раскинула руки и запрокинула голову к небу. Как здесь замечательно!

Офицер иммиграционной службы набрал номер, дождался ответа и тихо произнес в трубку:

– Она здесь.

Филипп быстро шел по тенистой тамарисковой аллее к зданию аэропорта. Первый звонок раздался в его доме два часа назад, и он с трудом заставил себя поверить, что это действительно Сандра.

Теперь он шел по аллее, и его дрожащие руки сжимались в кулаки. Счастье маленькой девочки зависит от его способности правильно оценить ситуацию. Времени, конечно, было маловато, но он не имеет права, не должен совершить ошибку.

Все тело напряглось, а сердце глухо забухало в ушах. Перед ним была Сандра. Пока что она его не видела, стояла, запрокинув голову, и наслаждалась солнцем. Она была очень красива. Тюрьма не смогла изуродовать ее внешность, и перед Филиппом стояла красивая женщина двадцати семи лет. Подтянутая фигура излучала уверенность в себе и сексуальность.

Забудь, приказал он себе, забудь и даже не думай.

Если она надеется, что легко отберет у него Джолли, она ошибается. Филипп на своей земле, и его окружают люди, всегда готовые помочь. Конечно, она наверняка привезла с собой целый мешок неприятностей, но он справится.

Легко сказать, но нелегко исполнить. Теперь ее фигура стала еще лучше – налились груди, округлились бедра, а тонкая талия только подчеркивала эти перемены. На ней было голубое, под цвет глаз, платье, а золотые волосы волной рассыпались по плечам. Ветерок играл подолом платья, обнажая сильные стройные ноги. Таксисты, которых она проигнорировала, восторженно щелкали языками, явно обсуждая достоинства неизвестной красавицы.

Филипп постарался унять сердцебиение. Она кого-то ждет.

На другой стороне улицы остановилась машина, и Сандра приветственно вскинула руку. Из машины вышел мужчина. Джеймс Крайтон, адвокат. За последние два года они несколько раз встречались, и адвокат не вызывал у Филиппа ни малейшей симпатии. К тому же их с Сандрой встреча не похожа на деловую, совсем не похожа. Филипп неожиданно почувствовал гнев и нечто вроде ревности, видя, как пальцы мужчины поглаживают плечо Сандры. Он шагнул вперед.

– Ба! Заключение разгуливают по моей земле!

Сандра побледнела и беспомощно пролепетала:

– Ты?!

– Ну да, я. Я здесь живу, знаешь ли. А ты какими судьбами?

Здесь мой ребенок, черт бы тебя побрал, хотелось крикнуть ей. Вместо этого она спокойно произнесла:

– Я приехала уладить кое-какие вопросы. Джеймс официальным тоном обратился к Филиппу:

– Я собирался позвонить вам. Однако вначале мы с Сандрой должны переговорить...

– Да? Что ж, Сандра, у меня есть полчаса, мы можем все обсудить. Только без твоего бойфренда.

– Ты отлично знаешь, что Джеймс мой адвокат...

– Ну да, и хотел бы стать не только им.

– Не будь смешным!

– А ты спроси его самого.

– Мои отношения с клиенткой, мистер Фестанакис, вас не касаются.

Сандра в смятении смотрела на обоих мужчин. Неужели Филипп прав? Да нет, конечно нет. Он просто хочет внести разлад между ней и Джеймсом, ее другом и союзником.

– Джеймс занимался моим делом с самого начала, он добрый и честный человек и стоит десятка таких, как ты. Он поддерживал меня в трудные минуты, и, если бы не его помощь, я бы осталась одна на всем белом свете. И еще не известно – осталась бы...

– Как трогательно. И наверняка неплохо оплачено.

Взгляд, который он при этом бросил на Джеймса, заставил того отшатнуться. Это Сандре не понравилось. Без союзника ей не выиграть битву.

– Не твое дело, Филипп! Мне жарко. Мы не могли бы отойти в тень? Или поедем к тебе?

Она выдержала его взгляд, но после этого ощутила себя мороженым, тающим на жарком солнце. Филипп процедил сквозь зубы:

– Я сказал, что буду говорить только с тобой наедине. Или не буду говорить вовсе.

Джеймс собрался протестовать, однако Сандра успокаивающе улыбнулась ему.

– Не волнуйся. В конце концов, за этим я и приехала, не так ли? – Она дружески поцеловала его в щеку. – Увидимся позднее. У меня есть твой телефон, я позвоню.

Филипп грозно прорычал:

– Нельзя ли поскорее!

Он преувеличенно вежливо открыл перед Джеймсом дверцу его машины, но это не произвело на Сандру ни малейшего впечатления. Она улыбнулась своему адвокату и помахала ему рукой. В целом, все получилось удачно. Пока все шло даже лучше, чем они предполагали.

Они с Джеймсом тщательно готовились к предстоящей операции. Он запасся медикаментами, теплой одеждой и игрушками для Джолли, продал их с Нико дом в Лондоне и положил деньги на ее счет, зафрахтовал яхту...

Однако теперь, когда Филипп согласен поговорить, вполне возможно, что нужда в похищении дочери отпадет.

– Спасибо, что тратишь на меня время, Филипп. Как она?

– Очень хорошо.

Сандра не обратила внимания на его неприязненный и сухой тон. Какая разница, если она в двух шагах от своей девочки?

– У тебя случайно нет ее фотографий?

Неужели Филипп не понимает, как она жаждет увидеться с дочерью?

Он молча полез во внутренний карман пиджака и достал пачку фотографий. Пальцы Сандры затряслись, и она жадно схватила их. Впервые за два долгих года она видела свою дочь!

Солнечная девочка! Смеющаяся, задорная, счастливая. В платице, в купальничке, снова в платице, с хвостиками, растрепанная, на лодке, в бассейне, с игрушками...

Как много фотографий Джолли он носит с собой! Словно любящий отец, который гордится своей дочерью. И ее девочка на фотографиях выглядит совершенно довольной жизнью.

Господи, неужели она ошибалась? Сандра еле сдерживала слезы. Ее терзали противоречивые чувства. Радость оттого, что она видела свою малышку такой безмятежно счастливой...

И горе: она, Сандра, явно была здесь лишней. Филипп глядел на нее с презрительным пониманием.

– Да, Сандра, она счастлива, вполне счастлива. Хочешь испортить ей жизнь?

Она не смогла ответить – мешал комок в горле. Планы рушились, как карточные домики.

Джеймс уверял ее, что Филипп не любит свою племянницу, а лишь исполняет свой долг перед ее отцом, своим братом Нико. На этом все их планы и строились. Если Филипп не интересуется девочкой, если любит только собственную дочь, то им будет легче увезти ее.

В действительности, похоже, все обстояло совсем не так. Он носит с собой целую пачку ее фотографий, он любит ее. Возможно, Джолли тоже его любит. Откуда ей знать, что ее дядя – злейший враг ее матери.

Сандра почувствовала острую боль в груди и поднесла руку ко рту. Филипп догадался о ее чувствах, в его глазах мелькнуло нечто вроде торжества.

– Уезжай домой, Сандра. Не мучай себя и других. Что будет с Джолли, если ты неожиданно появишься в доме? Шок, слезы...

Она старалась не поддаваться его убедительным речам. Джеймс не мог лгать. Он всегда стоял на страже ее интересов.

В чем же дело?

Если бы ей хоть раз пришло в голову, что она может причинить Джолли вред, она бы никогда не согласилась на похищение.

Неужели она зря приехала на этот проклятый остров?!

Глава 2

Сандра изо всех сил противилась очевидному. Филиппу нельзя доверять, твердила она себе. Он только и ждет, что она сдастся и отправится домой, несолоно хлебавши, навсегда отказавшись от своего ребенка.

Она нахмурилась. Где-то на самом дне сознания что-то отчаянно мешало успокоиться и мыслить логически. Нечто, связанное с фотографиями. Их так много! И на всех Джолли в полном одиночестве. Почему? Филипп на ее вопросы отвечал резковато.

– Других фотографий у меня нет. Все, что было, показал.

– На них только Джолли.

– Ну да. Моя любимая племянница. Как ни странно, на этот раз в его голосе не было и намек на цинизм или издевку. Несмотря на это, Сандра почувствовала, как ее охватывает холодная и безошибочная уверенность в том, что он попался.

– Очень интересно. Какой странный отец! Тысяча снимков любимой племянницы – и ни одного портрета его собственного ребенка. Должно же быть какое-то объяснение такому странному предпочтению?

Она послала ему обворожительную улыбку, нарочито не обращая внимания на ярость, сверкнувшую в его глазах, на неожиданный румянец на скулах, мгновенно сменившийся необычайно бледностью.

– Чем же ты сама объясняешь это? – холодно усмехнувшись, спросил он.

– Ну, например, тем, что ты заранее предполагал, что я появлюсь здесь, и собрал все ее фотографии в этом доме, чтобы показать мне...

– Жест доброй воли, не так ли?

– Только не в нашем случае. Ты ведь дал мне понять, что дочери мне не видеть, как своих ушей. Зачем же фото? Они не заменят мне ее, это ясно, а вот желание увидеться с ней разожгут. Не стоило так рисковать.

– А как насчет тщеславия? Возможно, мне просто хотелось показать, как хорошо она живет, как о ней заботятся...

– Не делай из меня дурачку, ладно? Может, кто-то о ней и заботится, но не ты. Джеймс рассказывал, что тебе наплевать на девочку.

– Серьезно? Он так сказал?

– Да. И я была убита этими словами, тем, что мой ребенок лишен любви.

– Но она...

–., из рода Фестанакисов, это я знаю. Поэтому девочка и обеспечена всем необходимым. Честь семьи, как же! И все же ты не испытываешь к ней ни малейшей симпатии. Она растет, как падчерица, моя дочь! Вот что ранило меня в самое сердце. Ты терпишь ее только из-за своего чудовищного тщеславия и тупой уверенности, что ты лучше, чем я...

– Ну, последнее вряд ли можно опровергнуть.

– Это мы еще посмотрим. А что до Джолли, то она во мне нуждается, и я здесь для того, чтобы в жизнь моей дочери вошла настоящая любовь!

– Ты только запутаешь и испортишь все на свете...

– Отнюдь! Я была душой, что верила тебе, позволила обмануть себя этими карточками и твоими заверениями, что она – самое главное в твоей жизни...

– Но это так и есть! – Его руки неожиданно сжались в кулаки.

– Расскажешь это кому-нибудь другому! – Ее лицо пылало гневом, волосы развевались. – Простой здравый смысл должен подсказывать, что собственные жена и дочь должны быть тебе гораздо дороже. Ты чудовище, если хочешь запретить ей видеться с единственным челове-

ком, которому она по-настоящему дорога. Ты просто боишься, что правда выйдет наружу, и я докажу это. Я прекращу этот фарс!

– Ты ошибаешься насчет моих чувств к Джолли. – Его голос дрожал от еле сдерживаемых эмоций. – И мне жаль, что ты поверила Крайтону. Я думаю, у него свои причины говорить так...

– О, да! Он заботится...

– Интересно знать, о ком? Попытайся догадаться сама.

– Он говорил мне, что ты хитрый. Думаю, он прав. Это ведь не простое совпадение, что ты оказался здесь? Офицер на таможне, задержка, обыск – все это твоих рук дело. И пока я сидела там с холодными от ужаса руками, ты судорожно подбирал фотографии моей дочери, чтобы доказать мне, что я здесь не нужна!

– Стафос мне звонил, это верно. Мы приятели, вместе ходим на рыбалку. Он знает, что ты вдова Нико. Но эти фотографии никто не подбирал, они со мной всегда, – Он насмешливо и недобро усмехнулся. – И, кстати, я не рассчитывал встретиться с тобой раньше, чем еще через пару-тройку лет. Ты что, в бегах?

– Разумеется, нет. Я освободилась полгода назад.

– Полгода! – Его удивление было явно преувеличенным. – И у тебя хватило терпения не бросаться сразу на поиски обожаемой дочери?

– Я была больна. Поэтому, кстати, и освободилась раньше времени.

– Что ж, сейчас ты вполне пристойно выглядишь.

– Хорошие врачи, хороший уход и ясная цель в жизни, вот и все.

Она больше не хотела говорить с ним. У нее не было сил. Гнев и злоба опустошают, и она старалась побороть эти чувства. К несчастью, Филипп как-то странно на нее действовал. Самоконтроль, где ты? Ау!

– В любом случае, нам надо поговорить. Я еще не совсем здорова, а эта жара способна погубить любого. Если ты не против, давай заедем в какую-нибудь таверну...

– Что ж, если ты настаиваешь на прогулке, то моя машина неподалеку...

– Я настаиваю на встрече с дочерью. Это вряд ли можно назвать прогулкой, – холодно ответила она.

Стычка с Филиппом вымотала ее так, словно она провела двадцать раундов на боксерском ринге. Что ж, даже если она выстояла сейчас, в дальнейшем силы ей все равно понадобятся.

Филипп коротко поинтересовался, даже не взглянув на нее:

– Надолго к нам?

– Насколько потребуется, чтобы добиться того, за чем я сюда приехала.

– Что ж, тогда мы подыщем тебе уютный домик, в котором ты сможешь состариться и поседеть.

– Я совсем забыла. У меня уже есть дом.

– Где же?

– Я не знаю. Джеймс должен был оставить мне адрес перед отъездом.

– Он всегда останавливается в отеле Зантоса. Пять звездочек, два бассейна, сауна...

Сандра едва слушала его иронично звучащий голос. Она еле держалась на ногах. Ей нужна ванна, нужен отдых, иначе она умрет на этом самом месте. Она прикрыла глаза, тяжело вздохнула и очень тихо попросила:

– Филипп, прошу тебя. Мне нужно позвонить туда. У тебя есть телефон?

Он остановился и испытующе взглянул ей в лицо.

– Пойдем-ка в тень.

Он уверенно вел ее, переводя через дорогу, уводя в тенистую и тихую аллею. Она вдруг подумала, что уже миллион лет не шла за ним вот так, чувствуя его крепкую руку. Когда они

последний раз были вместе? Ах, да, конечно. В ночь накануне его помолвки с Лореной. Она очень хорошо помнила ту ночь. Нежную. Жаркую. Полную любви.

Она очнулась и вздрогнула. Крепость рук Филиппа дарила обманчивую уверенность в безопасности. На самом деле этими самыми руками он с удовольствием швырнет ее в клетку с голодными львами, ежели такая возможность ему подвернется!

Он оглянулся, и его лицо оказалось совсем рядом. Его дыхание шевелило легкие завитки ее волос, его тело будило в ней смутные желания, его близость заставляла чувствовать все острее... Неожиданно он мягко привлек ее к себе. Она закрыла глаза, не в силах сопротивляться, чувствуя себя безвольной куклой в его руках.

– Я не слишком хорошо себя чувствую. Ее сердце проваливалось куда-то глубоко-глубоко, а вот сделать она ничего не могла. Лицо Филиппа было слишком близко. Опасно близко от ее губ.

– Что ж, тогда нам действительно лучше найти таверну и передохнуть. Съесть чего-нибудь, выпить вина...

Мне нужен Джеймс, в панике подумала она. Джеймс сначала, а потом сто часов крепкого здорового сна. Их взгляды встретились, и Филипп мгновенно стал прежним, насмешливым и циничным.

– Смотри-ка ты... А ты еще действуешь на меня! Кажется, и я тебе не безразличен...

Он открыл дверцу своего автомобиля и помог Сандре сесть. Теперь в его прикосновениях чувствовалась агрессия. Сандре даже показалось, что он почти впихнул ее в машину.

– Расслабься. Береги силы. Во имя неба, или ада, я не собираюсь посягать на твою невинность, – грубовато бросил Филипп, усаживаясь рядом с ней.

– Разумеется. Хватило и одного раза.

– Совершенно верно.

Он замкнулся в мрачном и гордом молчании, а Сандра без сил откинулась на спинку сиденья. Закрыв глаза, она вспоминала его смуглую кожу, его чувственные губы, едва не слившиеся с ее губами в жарком поцелуе. Если бы это произошло, она не смогла бы удержаться.

Слишком слаба, слишком утомлена путешествием. Иначе, разумеется, возмутилась бы его бесцеремонностью и той легкостью, с которой он распоряжается ее жизнью. Сандра отвернулась и стала смотреть в окно. Непрошенные воспоминания роились в мозгу, играя плохую шутку с обессиленным телом. Воспоминания о прошедшей любви...

Совершенно некстати, но очень вовремя она заметила, что ее чемодан остался лежать в пыли, и закричала:

– Мои вещи!

Он остановил машину и повернулся к ней. Его глаза были черными, словно антрацит. Сандра неожиданно вновь почувствовала странное напряжение, повисшее между ними, наэлектризовавшее воздух, стиснувшее ее сердце.

Он женат. И должен вести себя как подобает. А как подобает в подобной ситуации?

– Ничего с твоими вещами не случится, не кричи. На этом острове живут честные люди.

Его слова обожгли, как неожиданный удар ножа. Филипп вышел из машины, оставив за собой легкий аромат лимонного мыла и дорогого одеколona. Она с тоской смотрела ему вслед. Волосы все так же непокорно закручиваются кольцами. Как он только не пытался выпрямить их хотя бы на висках!

Пока он ходил за чемоданом, она наконец-то смогла вздохнуть свободно. Кислородная недостаточность, вот что это такое! И жара. Плохие новости: в течение нескольких дней ей придется выносить от Филиппа все его выходки, все, что придет ему в голову. Она должна держаться.

Должна вытерпеть все и еще чуть-чуть сверх того. Ради дочки.

Они поедут на побережье и будут строить замки из песка. Купаться. Смеяться. Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы Джолли привыкла к ней?

Любовь к ребенку помогла ей выжить в тюрьме. Болезнь помогла понять самое главное: ничто на свете не имеет значения, только ее ребенок.

Трудности еще впереди. Им с Джеймсом и Джолли предстоит по морю добраться до Ионийских островов, а затем пересечь всю Европу, и только после этого вернуться в Англию. Во время этого путешествия она будет играть с девочкой, читать ей, рассказывать сказки. Джолли полюбит ее, обязательно полюбит.

Маршрут был выверен по карте. Джеймс лично разведет все пути отхода и обнадежит ее. Теперь все дело в ней самой. Она должна быть сильной. Если она заболит...

– Ты выглядишь так, будто вот-вот развалишься на части. Думаю, таверна не является самым удобным для тебя местом в данный момент.

– Ты прав, гостиница подошла бы куда лучше, но мне нужно экономить.

Она прогнала от себя видение мягкой кровати, чашки кофе и горячей ванны.

– Тогда доверься моему вкусу. Если не понравится, позвонишь своему адвокатишке.

Она вздохнула и прикрыла глаза. Через некоторое время почувствовала его взгляд, слабо пошевелилась и подняла отяжелевшие веки. Филипп поспешно отвел глаза.

– Поспи. Я тебя разбужу, когда приедем.

Она бы поспорила, но веки снова налились свинцом. И все же сквозь опущенные ресницы, борясь с наплывающим сном, Сандра смотрела на Филиппа, не могла больше не смотреть: классический греческий профиль, густые ресницы, черные глаза, чувственный рот. Он был в рубашке с коротким рукавом, выгодно подчеркивавшей его прекрасную мускулатуру.

Невозможно красив. Нет, не просто красив – чертовски привлекателен. Он притягивает ее даже сейчас, после стольких лет обид и унижений. Она не забыла...

Джолли совсем рядом, только руку протяни. Она добьется своего, обязательно добьется, только надо быть осторожной. И внимательной. Зачем он заботится о ней? Почему бы не отвезти ее в тот отель, который он так язвительно описывал? Сандра заснула. Во сне ее руки были беспомощно прижаты к сердцу, словно закрывая рану, нанесенную каким-то невидимым оружием.

Филипп знал, что это за оружие. Джолли. Ее дочь. А нанес эту рану он. Филипп тряхнул головой. Надо помнить, что она не успокоится, пока не нанесет ответный удар. Тем же самым оружием. Джолли.

Он не имел никакого права разлучать мать и дочь. Никакой суд не согласился бы с этим. Единственная его надежда была на то, что Сандру можно было бы обвинить в неадекватном поведении. Другими словами, в сумасшествии.

Он бросил на нее короткий взгляд, стараясь не смотреть на полную грудь, мерно вздымавшуюся под тонкой тканью. Он хотел ее. Очень. Но об этом придется забыть.

В один прекрасный день Сандра попытается похитить Джолли. Маленькая девочка в компании двух взрослых и чужих для нее людей пересекает Европу. При этой мысли на скулах Филиппа заходили желваки.

Крайтон – негодяй. Он не доверяет ему ни на грош.

Сандру надо держать подальше от девочки. Он должен быть уверен, что она не сможет добраться до малышки.

Неожиданная мысль заставила сердце забиться чаще, кровь ударила в виски. У него есть идея. Прекрасная идея. Одним ударом он убьет сразу нескольких зайцев.

Ведь и у него есть оружие.

Секс.

Глава 3

– Здесь очень красиво.

Сандра с восхищением оглядывалась кругом. Вилла и в самом деле была хороша. Деревянный дом. Добротная старинная мебель. Софа так и манит раскинуться на ее подушках. Мягкие кресла. Сандра вздохнула.

– Я приготовлю чай, а потом мы поговорим, ладно? – неожиданно дружелюбно предложил Филипп.

– Отлично. Чай – это замечательно. Я пока позвоню Джеймсу.

Ей самой не понравились извиняющиеся нотки в голосе. Потом она застыла, глядя в спину Филиппу. Очень красивую, надо сказать, спину. Прямую, широкую, мускулистую.

– Где-то были остатки шоколадного торта, если хочешь.

Он все так же великолепно сложен. Как раньше. Раньше...

Она заставила себя отвернуться и подумать о чем-нибудь другом. Например, с том, где она, собственно, находится. Что это за место? Сандра задумчиво присела у небольшого мраморного стола, на котором стояли чайник и чайные чашки, а также несколько заварочных чайничков самых разных форм и расцветок. Она повертела один из них в руках. Китайский.

– Филипп! Это твой дом? Он обернулся к ней с улыбкой, заставившей ее сердце забиться чаще.

– Мой. Только я живу не здесь. В каком это смысле? Она продолжала размышлять об этом, пока он раскладывал найденный торт на тарелочки, разливал чай по чашкам. Так по домашнему...

Филипп сел напротив нее. Сандра бросила взгляд на его мускулистые смуглые руки, спокойно лежавшие на скатерти, и против своей воли неожиданно ярко представила, как он обнимает ее. Как раньше. Она вспомнила их встречу и пожатие его сильной руки. Голос предательски задрожал, когда она задала абсолютно idiotский вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.